

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

**Сериал «Гриневы.
Капитанские дети»**

Последняя Ева
Возраст третьей любви
Неравный брак
Ловец мелкого жемчуга
Первый, случайный,
единственный

**Сериал «Слабости
сильной женщины»**

Слабости сильной женщины
Ревнивая печаль

Сериал «Ермоловы»

Яблоки из чужого рая
Антистерва
Мурка, Маруся Климова

**«Подруги
с Малой Бронной»**

Уроки зависти
Опыт нелюбви
Этюды Черни

«Любовный фарфор»

Звезда по имени Эстер
Красавица некстати
Азарт среднего возраста

«Три дочери»

Ответный темперамент
Игры сердца
Французская жена

Странная Лиза
Портрет второй жены

Стильная жизнь
Двое в Барселоне

Гадание при свечах
Все страсти мегаполиса
Женщина из шелкового мира
Рената Флори
Глашенька
Вангелия

«Женщины да Винчи»

Женщины да Винчи
Вокзал Виктория
Героиня второго плана

Лучшие годы Риты
Созвездие Стрельца
Австрийские фрукты
Ангел-хранитель
Кристалл Авроры

анна берсенева

КРИСТАЛЛ АВРОРЫ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Кристалл Авроры : [роман] / Анна Берсенева. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-092793-7

Может быть, имя действительно влияет на судьбу? Если оно необычное, то и жизнь окажется яркой. У Нэлы Гербольд есть все основания этого ожидать: она наделена не только необычным именем, но и жизнерадостностью, которая драгоценна в любом человеке, а в женщине особенно. Но когда юность остается позади, Нэла понимает: вся ее яркость не спасает от ощущения, что жизнь проходит впустую. Нужна большая любовь? Но и это чувство уже обмануло ее... Неожиданно Нэла узнает, что и необычная женщина, и яркая красота, и сильная любовь — все это уже было в истории ее семьи. И этот опыт — магический кристалл, сквозь который она видит собственную жизнь в истинном свете.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092793-7

© Сотникова Т., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Ну и вид у меня... Картина Эль Греко!»

Собственное лицо — осунувшееся, с устало поблескивающими длинными глазами — так смутило Нэлу, что она вглядывалась в него до тех пор, пока девчонка с розовыми волосами довольно бесцеремонно не отодвинула ее от зеркала, и, вздрогнув от этого, она не вспомнила, что туалет берлинского аэропорта не лучшее место для созерцательных размышлений.

Многие ругали аэропорт Тегель, а Нэла его любила. По той же причине, по какой любила и Берлин — потому что все живое и необычное так или иначе оказывалось здесь хотя бы ненадолго. И потому что это был город ее молодости.

К молодости своей она сюда и приезжала, собственно; дружба с Марион была главным, что осталось от студенческих лет.

В приглашении, которое Нэла получила еще зимой, было сказано, что если друзья окажутся в Берлине в июне, то Марион и Пауль будут рады видеть их на своей свадьбе, что праздновать будут у озера Ванзее, гости могут снять номер рядом в отеле за собственный счет, а если кто-то

хочет сделать подарок молодоженам, то пусть переведет деньги благотворительному фонду, помогающему интеграции беженцев. Нэла улыбнулась, прочитав этот текст; вся Марион с ее сердечностью и прагматизмом была в нем. Она ответила, что приедет обязательно, перевела беженцам сумму, равную стоимости чайного сервиза, а номер бронировать не стала: дорого выходило у озера, обошлась съемной комнатой неподалеку от Александерплатц.

Приехав в Берлин, она тем же вечером пошла к Шпрее, долго сидела на парапете, глядя на рябь городских огней, скользящих по поверхности воды, на темные стремительные струи в глубине, и думала, важные или неважные вещи происходили с нею вот здесь, у этой самой реки, на этом самом месте.

Гостей оказалось человек двести. Их количество сильно удивило Нэлу: ироничность была присуща Марион в высшей степени, а между тем устройство такой свадьбы явно требовало не только не иронического, но даже слишком серьезного подхода к делу. То есть Марион, конечно, умела подходить к делам серьезно, и это еще мало сказать умела, но Нэла полагала, что свадебное торжество не относится в глазах ее подруги к числу таких дел. Но вот ошиблась, значит, хотя и была уверена, что разбирается в тонкостях немецкой жизни. В общем, она очень удивилась, увидев накрытые белоснежными скатертями длинные столы, сияющие мельхиоровые приборы, цветочные гирлянды, украшающие веранду ресторана, и струнный ансамбль на лужайке.

Жених с невестой после венчания приехали из церкви на велосипедах, Марион прихрамывала — оказалось, месяц назад лопнуло ахиллесово сухожилие, когда она играла

в теннис, — лицо у нее светилось любопытством, которое Нэла так любила в ней и все любили, платье цвета синьки с молоком шло к ее глазам, и выглядела она в нем молодо без малейшего старания казаться моложе.

И весь праздник получился такой какой-то трепетный и человечный — со сменяющимися мелодиями скрипок и виолончелей, с солнечными пятнами на траве под старыми липами, с серебрящимся озером, со старинным отелем, над башенками которого графически кружились птицы, и с далеко разносящимся вечерним колокольным звоном, — что Нэла чуть не заплакала, хотя сентиментальность была последним качеством, которое она могла в себе предполагать.

— Ты ведь еще не уезжаешь завтра и придешь к нам вечером? — спросила Марион, когда, натамцевавшись и наговорившись, гости начали разъезжаться. — Ах, Нэла, мы так давно не виделись с тобой!

— Сама удивляюсь, как это вышло, что мы так долго не виделись, — ответила она. — Конечно, приду.

Марион с Паулем жили в Моабите. Они встретили Нэлу у метро и по дороге к своему дому — шли через старинный рынок под сводами, к вечеру уже почти пустой, — рассказывали, как два года назад долго искали квартиру, которая понравилась бы им обоим сразу, безоговорочно, и вот эта оказалась именно такая, и они ее сразу же сняли.

Дом был похож на тот, в котором Нэла с Марион снимали квартиру, когда учились в университете — многоэтажный, со внутренним двором-колодцем, со светлыми просторными подъездами и длинными лестничными пролетами. Если бы Нэлу попросили показать типичный дом

старого Берлина, она отвела бы интересующихся прямо сюда.

— Ты, получается, и на улицу не выходила, пока у тебя нога в гипсе была? — спросила она, когда поднимались на пятый этаж; лифта в доме не было. — Фу-ух, даже я устала, так высоко!

— Но как я могла не выходить? — пожала плечами Марион. — Я ведь работала. Правда, от поездок в Бонн на некоторое время пришлось отказаться, но здесь, в Берлине, я все делала как обычно.

— На одной ножке, что ли, вниз прыгала?

— Ну да. А Пауль нес за мной табуретку, и я отдыхала на каждой второй площадке. А когда вверх, то просто на каждой, — с обычной своей обстоятельностью объяснила Марион.

— Ты феноменальная! — засмеялась Нэла. — Я вот даже не представляю, что могло бы меня заставить прыгать на одной ножке с пятого этажа.

— Вот именно, что не представляешь, — улыбнулась Марион. — Когда у тебя появится что-нибудь такое, ты запрыгаешь даже с десятого, я уверена.

«Что-нибудь такое» для Марион это, понятно, работа, и всегда так было. Еще в студенческие годы Нэла поражалась ее работоспособности, ей самой такая и не снилась, да что ей — таких, как Марион, она даже среди немцев не знала, или, может, они учились не истории искусств.

При первом же взгляде на квартиру становилось понятно, почему она могла понравиться сразу и безоговорочно: неординарность чувствовалась в самих ее очертаниях. Все комнаты соединены между собой странным, но удобным образом, просторно, и потолки такие высокие,

что кажется, сверху стоит светлая дымка, как под куполом собора, а множество светлых же книжных полок усиливают впечатление осмысленного и одухотворенного пространства.

Стол был накрыт на балконе.

— Ты цветы выращиваешь? — удивилась, выйдя туда, Нэла. — Когда успеваешь только!

Длинные горшки с летними цветами — синими, белыми, алыми, желтыми — окаймляли весь широкий балкон, а в отдельных больших вазонах росли фиолетовая гортензия и японский клен.

— Я вырастила гортензию и клен, — объяснила Марион. — Но в общем-то они растут сами, мне приходится вносить удобрения и на зиму убирать их с балкона в подъезд. Остальные цветы я просто покупаю каждую весну заново и сажаю в эти горшки. А потом только поливаю все лето. Или Пауль поливает, когда меня нет.

Марион руководила фондом, который занимался развитием прессы Германии и отчасти даже всей Европы; она объясняла подробно, но Нэла не очень поняла. Зато поняла, что, когда снесли Берлинскую стену, половина этого фонда переехала в новую столицу, а половина осталась в старой, и поэтому Марион с понедельника до среды работает в Берлине, а с утра четверга до вечера пятницы — в Бонне, что в среду после работы она летит туда самолетом, а потом самолетом же возвращается в Берлин на выходные, чтобы утром в понедельник начать здесь очередную свою рабочую неделю.

Как Пауль относится к такому ее рабочему графику, можно было не спрашивать: раз живут вместе уже два года и решили пожениться, значит, его все устраивает. Но вот

как женщина сорока лет может вести такую жизнь постоянно, не понимала даже легкая на подъем Нэла. Впрочем, она понимала, что в Марион очень не напояз и очень естественно соединяются такие черты характера и линии поведения, которые многим кажутся несоединимыми, а самой Марион — вполне органичными. Среди этих черт Нэла давно уже научилась отличать те, которые присущи именно ее выдающейся подруге, от тех, которые вообще естественны для европейцев. Скептичность в отношении любых взглядов и примчивость в восприятии любого образа жизни, даже самого странного, отсутствие догм и наличие принципов, религиозность и насмешливость с трудом совмещались в стороннем сознании. А между тем в Марион все это соединилось самым ясным образом, и такое сочетание не было ее личным, а как раз и было Европой, которую Нэла любила, в которой чувствовала себя как рыба в воде, но не как дерево в лесу.

После ужина Пауль ушел к себе в кабинет — он преподавал оптическую физику в Университете Гумбольдта и готовил новый лекционный курс, — оставив жену с подругой предаваться воспоминаниям.

Балкон выходил во двор, в котором росли старые липы, их запах был таким сильным, каким он бывает только в июньском Берлине, и лишь запах росшей на балконе ночной фиалки стал сильнее его, когда сгустились сумерки.

— Ты надолго едешь в Москву? — спросила Марион. — Как ты думаешь, что там происходит?

Второй вопрос позволял не отвечать на первый, и это было хорошо, потому что ответа на первый вопрос Нэла не знала. На второй, впрочем, тоже, но второй и не был для нее личным и значимым.

— Заморозки происходят. — Она пожала плечами. — Как при Николае Первом.

— Я не так хорошо знаю русскую историю, — заметила Марион. — Что было при Николае Первом? Но все это так странно! Мне казалось, после того, что ваши люди узнали о репрессиях, и ведь они сами жили в советские годы так тяжело — эти страшные расстрелы невинных, запреты всего, эти очереди, недостаток лекарств, просто еды... Я думала, они отшатнутся от этого навсегда. И вот теперь кажется, что все возвращается снова, а они только радуются. Как это может быть?

— Ну, сами-то они при репрессиях не жили, — усмехнулась Нэла. — А про очереди уже не помнят. Они считают, тогда все было как сейчас, только бесплатно и всем поровну.

— Я не верю, что взрослые люди могут так считать, — покачала головой Марион. — Ведь у них есть логика и память.

— А кто тебе сказал, что они взрослые? Инфантильность пожизненная. А логика и память как у аквариумных рыбок.

— Но ведь ты сама не такая.

— Но большинство таких.

— Но откуда ты знаешь?

Когда Марион хотела что-то прояснить для себя, от нее было не отделаться.

— Ну, откуда! — вздохнула Нэла. — Что-то чувствую, что-то... Просто знаю, и всё.

Она вспомнила, как прошлой зимой оформляла в Москве доверенность для мамы на всяческие действия от своего имени, и нотариус, молодая элегантная женщина

с такой стрижкой, каких Нэла и в Париже не видела, сказала, бросив взгляд в заиндеветое окно:

— Какая зима в этом году холодная! Потому что американцы климатическое оружие изобрели и специально с Аляски погоду нам портят.

И вот попробуй объясни, что в этой стильно подстриженной головке творится. Да и зачем это объяснять? Просто прими к сведению и держись подальше.

— Мне очень грустно, Нэла. — В голосе Марион действительно послышалась грусть; в ней вообще не было ни капли неискренности, и она не понимала даже, зачем неискренность может быть нужна человеку. — У нас было много контактов с Россией, я часто бывала в Москве, ездила по всей стране, появились друзья... А теперь нам отказывают в совместных проектах, а в регионах нас даже боятся, как будто мы враги. Как это могло случиться, почему? Я успела всё у вас полюбить... Главное, так много талантливых людей! Почему же всё... так?

— Не знаю, — улыбнулась Нэла.

«Я и почему у меня всё так не знаю, — подумала она при этом. — Что уж мне про других думать».

— Мне очень, очень грустно, — повторила Марион. — Зачем ты говоришь, что это аквариумные рыбки? Я мало где встречала таких образованных, таких креативных людей, как в России, с таким быстрым и ярким умом. И не только в Москве — это вся страна очень талантливых людей. Ты сама знаешь, какое у вас искусство.

— Достоевский и Чайковский уже умерли. Причем давно.

— Но есть и сейчас!.. Я слушала оперу в Новосибирске, это мировой уровень.

— То-то директора оттуда выгнали вместе с режиссером.

— Это и есть то, чего я не понимаю, — вздохнула Марион. — Как могли их уволить, почему?

— Да Христа на афише авангардно нарисовали, вот и уволили.

— Ты меня троллишь?

— Будем считать, что да. — Нэла снова улыбнулась. — Маришка, я не хочу больше об этом думать. У меня одна жизнь, и я не могу ее посвящать размышлениям о том, что и почему делают ущербные люди.

Она разлила по бокалам оставшееся вино — рейнвейн, который Марион привезла из Бонна к своей свадьбе.

— Я видела твой альбом о виллах Палладио, — сказала Марион. — И знаешь, когда его читала, то жалела, что не пишу об искусстве.

Альбом о палладианских виллах был несложной, приятной и отлично оплаченной работой. Оплачено было также путешествие по окрестностям Падуи и Вероны, где эти виллы в основном располагались, и по Бренте, вдоль берегов которой Палладио тоже немало их построил. Текст Нэла писала в городке Аркуа и каждый вечер, гуляя после работы по тихим улицам и холмистым окрестностям, приходила на могилу Петрарки, смотрела на его выбитый на камне портрет, смешную голову в каком-то платочке, и в голове ее звенели его строки, но почему-то не по-итальянски, а по-русски, да еще в переводе Мандельштама, который их почти что сам выдумал: «Чую, горю, рвусь, плачу — и не слышит, в неудержимой близости все та же...»

Нэла знала, что сделала свою работу хорошо, но при том прекрасно понимала: в ней нет ничего, что должно

заставлять такого состоявшегося человека, как Марион, жалеть, что эту работу сделала не она.

Вся Нэлина жизнь состояла из таких вот случайных работ, и не только из работ — ее жизнь в целом давно уже представляла собою произвольное смешение случайностей.

Воплощенная случайность и смотрела на нее теперь из зеркала в берлинском аэропорту, она сообщила ее чертам резкость Эль Греко и заставила устало мерцать глаза.

Надо что-то делать со своей жизнью, только сейчас она это поняла. Но чувствовала, наверное, и раньше, иначе не ответила бы на письмо Антона и не летела бы этим июньским днем в Москву.

Глава 2

В Берлине стоял запах цветущих лип, а в Москве — жасмина.

То есть не по всей Москве, а на Соколе. Такси свернуло на улицу Сурикова, Нэла опустила оконное стекло, и этот запах влился в нее, во все ее молекулы, и когда она шла к калитке родительского дома, он усиливался с каждым ее шагом.

Жасминовые кусты росли, правда, не у родителей, а у соседей, у Левертовых. После смерти Евгении Вениаминовны левертовский сад зарос репейником и лопухами и жасминовые кусты в нем засохли; заглядывая в свои редкие приезды за соседский забор, Нэла каждый раз вспоминала библейскую мерзость запустения. Но потом в левертовский дом вернулась Таня и привела все в порядок за первую же весну — летом жасмин уже цвел в саду снова. Нэла всегда считала, что Таня Алифанова — типичное яв-

ление разума, притом именно женского разума, созидающего и практичного. Только вот таких типичных женщин почему-то было мало, а вернее сказать, и вовсе не было. Во всяком случае, Нэла таких, кроме Тани да покойной Евгении Вениаминовны, не встречала.

Она успела подумать об этом, идя через двор к родительскому дому. В прошлом году его отремонтировали, но выглядел он после этого так же, как выглядел всю Нэлину жизнь, и не только Нэлину — точно таким дом был на фотографиях 1927 года, которые висели у Гербольдов в гостиной: высокий русский терем, сложенный из огромных бревен, только Ивана Царевича на Сером Волке не хватает да царевны Несмеяны в окошке.

Дома никого не было, Нэла открыла дверь своим ключом. В ее сознании не находилось слов, которые правильно обозначали бы то, что происходило с нею каждый раз, когда она входила сюда. Это не было ни счастьем, ни покоем, ни унынием, ни восторгом — просто она становилась собой настолько, что переставала себя осознавать. Знания, мысли, сомнения, чувства — все выветривалось из нее; Нэла входила в дом и в ту же минуту была уже его частью, как статуя Венеры Милосской, которая стояла возле лестницы, ведущей на второй этаж.

Эту статую сделали по папиному заказу в Германии, она была точной гипсовой копией луврской. Когда тринадцатилетняя Таня Алифанова впервые пришла в гости к Нэле и Ваньке, то очень удивилась, что Венера со всех сторон разная, ну точно как живой человек, и лицо у нее разное, то печальное, а то и беспечное. Тане это было тогда в новинку, потому она и заметила, а они с Ванькой всегда про свою Венеру это знали.